

Ю. Д. Левин

<Кюхельбекер - переводчик Шекспира>

Ю. Д. Левин. Шекспир и русская литература XIX века
Л., "Наука", 1988
[OCR Бычков М. Н.](#)

<...>

Глава IV. КЮХЕЛЬБЕКЕР ПОСЛЕ 14 ДЕКАБРЯ

Трагедия декабрьского восстания стала важнейшим рубежом в политической и духовной жизни России. Она во многом определила дальнейшее движение отечественной литературы и в какой-то мере сказалась и на становлении русского шекспиризма. В предыдущей главе, стремясь представить целостную картину пушкинского восприятия английского драматурга, мы несколько зашли вперед и уже коснулись ряда явлений после 1825 г. Здесь мы рассмотрим вообще последекабрьский шекспиризм, для которого это пушкинское восприятие имело немаловажное, а в ряде случаев и решающее значение.

Если Пушкина Шекспир привлекал как исторический драматург еще в пору написания "Бориса Годунова", т. е. по крайней мере с конца 1824 г., то многие декабристы только после провала восстания начали обретать историческое мышление; этому учила их сама история насильственно и жестоко. Теперь и они стали воспринимать Шекспира как живописца исторических катастроф - политических смут и народных мятежей. Интерес к драматургу в их среде растет. Мария Волконская, приехав к мужу в Сибирь, привезла с собою десяти томное лондонское комментированное издание драматических сочинений Шекспира. {The Dramatic Writings of Will. Shakespeare, with the Notes of all the various commentators; printed complete from the best Editions of Sam. Johnson and Geo. Steevens. London, 1786-1792. Vol. 1-10. Экземпляр этот сохранился; на первом томе имеется разрешительная надпись коменданта нерчинских рудников: "Читал Лепарский" (см.: Дунаева Е. Спутник декабристов // В мире книг. 1964 N 10. С. 43).} Его произведения посылают родные заключенным и ссыльным декабристам: М. С. Лунину, А. И. Одоевскому, А. О. Корнилову и др. Одоевский, которому; отец прислал также биографию драматурга, его портрет и изображение его надгробия, писал в ответ, что "погрузился в изучение Шекспира" и для него "представляет особенную прелесть" "все, что имеет отношение к этому поэту-философу". {Одоевский А. И. Полн. собр. стихотворений и писем. М.; Л., 1934. С. 308, письмо от 3 октября 1835 г.; оригинал по-французски.} Когда в 1830-е гг. декабрист П. А. Муханов, находившийся на Петровском заводе, устраивал для своих товарищей по каторге литературные вечера, М. А. Бестужев рассказывал собравшимся "о Шекспировой драме". {Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 391.} Примечательно, что А. О. Корнилов, читая в 1832 г. в Петропавловской крепости только что вышедший исторический роман К. П. Масальского "Стрельцы" и раздумывая о способах литературного воплощения образа Петра I, мысленно обращался к опыту английского драматурга: "Шекспир, - писал он брату 14 июля, - вывел на сцену Генриха V, величайшего из английских королей, отправляющимся на ночной разбой и бражничавшим в трактирах, и в этом шалуне Генрихе видишь будущего завоевателя Франции!". {Корнилов А. О. Соч. и письма. М.; Л., 1957. С. 335.}

В 1833 г. А. А. Бестужев, отбывавший солдатчину на Кавказе, но уже печатавшийся под псевдонимом Марлинский, выступил по поводу романа Н. А. Полевого "Клятва при гробе господнем" с программной статьей, где подытожил свои раздумья о развитии мировой литературы и утверждал необходимость исторического истолкования действительности. Шекспир, с которым он был в это время "неразлучен" (см.: II, 467), осмысливается как поэт, возросший на почве родной страны, связанный с ее драматической историей: "...Англия в мятеже войн и междоусобий закалила дух Шекспира, великого Шекспира, который был сама поэзия, весь воображенье... эолическая поэзия Севера, глубокомысленное воображение Севера..." (II, 582). Но эта "огромная оригинальная поэзия" была замкнута в пределах Англии и "мир дивных мечтаний" не имел "отголоска в нашем мире, покуда гений Шиллера не угадал его девственной прелести и не усвоил немецкой словесности романтизма Шекспирова во всей величавой его